Прежде Чем Он Начнёт Охоту

Автор:
Блейк Пирс

Прежде чем он начнёт охоту

Блейк Пирс

Загадки Макензи Уайт #3

В «ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН НАЧНЁТ ОХОТУ», свежеиспечённый агент ФБР Макензи Уайт выпускается из Академии в Куантико и с головой окунается в неотложное расследование дела о серийном убийце.

В национальном парке Западной Вирджинии находят тела женщин, приехавших на кемпинг. Парк огромен, и связи между убийствами нет.

В то же время Макензи получает звонок из Небраски. Её просят вернуться домой, потому что спустя много лет в деле убийства её отца появилась новая зацепка. Расследование сдвинулось с мёртвой точки, и Макензи нужно помочь его завершить.

Но убийца, за которым охотится ФБР, вновь выходит на охоту, и Макензи должна сконцентрироваться на его поиске. Пропадает ещё несколько женщин, и начинается психологическая игра в кошки-мышки. Убийца оказывается более жестоким и умным, чем Макензи могла предположить. Ей предстоит пройти путь, которого она страшится. Макензи ждёт невероятный поворот событий, который даже она не могла предугадать.

БЛЕЙК ПИРС

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН НАЧНЕТ ОХОТУ

О Блейке Пирсе

Блейк Пирс – автор серии-бестселлера о детективе РАЙЛИ ПЕЙДЖ, включающей в себя шесть книг (и число их растёт). Блейк Пирс также является автором серии детективных романов о МАКЕНЗИ УАЙТ, включающей три книги (и число их растёт); серии детективных романов об ЭЙВЕРИ БЛЭК, включающей три книги (и число их растёт); а также новой серии романов о детективе КЭРИ ЛОК.

Книголюб и большой поклонник триллеров и детективов, Блейк будет рад услышать ваше мнение, поэтому заходите на www.blakepierceauthor.com (http://www.blakepierceauthor.com/), чтобы узнать больше и общаться с автором.

КНИГИ БЛЕЙКА ПИРСА

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ РАЙЛИ ПЕЙДЖ»

КОГДА ОНА УШЛА (книга #1)

КОГДА КРУГОМ ОБМАН (книга #2)

КОГДА РАЗБИВАЮТСЯ МЕЧТЫ (книга #3)

КОГДА ПРИМАНКА СРАБОТАЛА (книга #4)

КОГДА ОХОТА НАЧАЛАСЬ (книга #5)

КОГДА СЪЕДАЕТ ТОСКА (книга #6)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ МАКЕНЗИ УАЙТ»

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН УБЬЁТ (книга #1)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН УВИДИТ (книга #2)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН НАЧНЁТ ОХОТУ (книга #3)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ ЭЙВЕРИ БЛЭК»

МОТИВ ДЛЯ УБИЙСТВА (книга #1)

ПРИЧИНА БЕГСТВА (книга #2)

ПРИЧИНА СКРЫВАТЬСЯ (книга #3)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ КЭРИ ЛОК»

ОТПЕЧАТОК СМЕРТИ (книга #1)

ПРОЛОГ

Пэм присела на ствол поваленного дерева рядом с лагерем и зажгла сигарету. Она была всё ещё возбуждена после секса. Позади виднелась остроконечная шапка палатки Хантера. До слуха доносился его негромкий храп. Даже здесь, в лесу всё было как обычно: после занятия любовью она была полна сил и энергии, а он спал, как сурок. Хотя нужно признать, что здесь, в лесу её это раздражало намного меньше.

Она вырыла небольшую ямку в земле, чтобы сложить туда пепел от сигареты, отлично понимая, что курение в лесу в сухую осеннюю погоду было довольно безрассудным поступком. Она подняла глаза к небу и посмотрела на звёзды. Ночь была прохладной, потому что до восточного побережья наконец добралась осень с её низкими температурами. Пэм поёжилась. Жаль, что в палатке Хантера не было сетчатой крыши, чтобы она могла любоваться небом. И всё же их поездка не была лишена романтики – хорошо было выбраться из дома и оказаться совсем одним в лесу. Их кэмпинг был первой и пока единственной попыткой жить вместе. Остальное – только после того, как этот идиот сделает ей предложение. И, тем не менее, если брать во внимание ночное небо, отличную погоду и их безумную страсть – это была одна из самых счастливых ночей в её жизни.

Она решила вернуться в палатку и прижаться к любимому, но сначала нужно было сходить в туалет. Она направилась к кромке леса, когда вдруг остановилась, чтобы оглядеться. В темноте сложно было ориентироваться: звёзды и полумесяц луны давали слишком мало света. Она снова огляделась и решила, что если пойдёт налево, то как раз выйдет к зоне отдыха.

Она медленно и осторожно прошла ещё несколько метров, а потом ещё секунд тридцать шла в выбранном направлении. Когда она обернулась, то палатки уже не было видно.

«Чёрт», – выдохнула она, начиная нервничать.

«Держи себя в руках, – сказала она про себя, продолжая идти. – Палатка совсем рядом и…»

Левая нога за что-то зацепилась, и не успела она понять, что происходит, как упала на землю. В последний момент она выставила вперёд руки, чтобы не покалечить лицо. Она тихо охнула, а потом сконфужено, но быстро поднялась на ноги.

Она посмотрела на корягу, за которую зацепилась ногой, по-детски на неё разозлившись. В темноте коряга выглядела странно. Одно было ясно наверняка. Это было не коряга.

В темноте ей виделась всякая нелепица. Наверное, всё дело было в игре света и тени.

Она похолодела от ужаса, когда поняла, что зрение её не обманывало. Не было смысла отрицать факт.

Перед ней была человеческая нога.

И насколько она могла судить, кроме ноги рядом не было ничего. Тела не было. Нога лежала на земле, частично спрятавшись в траве и кустарнике. Стопа была обута в кроссовок, из которого торчал красный от крови носок.

Пэм вскрикнула. Не переставая кричать, она развернулась и побежала сквозь ночную мглу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Макензи сидела на пассажирском сиденье выданного Бюро автомобиля, сжимая в руках табельный Глок, оружие, которое она изучила, как свои пять пальцев. Но сегодня даже пистолет казался другим. После сегодняшнего дня всё будет другим.

Голос Брайерса вывел её из ступора. Он сидел за рулём, глядя на неё так, как может смотреть на дочь разочарованный отец.

«Ты же понимаешь, что не обязана это делать, – сказал Брайерс. – Ты никого не разочаруешь, если пересидишь здесь».

«Я должна это сделать. Я должна доказать себе».

Брайерс вздохнул и посмотрел через лобовое стекло на просторную парковку, освещённую слабым светом фонарей по углам и в центре. На парковке было три машины и трое мужчин, нервно прохаживающихся из стороны в сторону.

Макензи потянулась, чтобы открыть дверь.

«Со мной всё будет хорошо», – сказала она.

«Я знаю, – ответил Брайерс, – но… пожалуйста, будь осторожна. Если с тобой что-нибудь случится, и станет известно, что я был здесь…»

Макензи не стала дожидаться, пока он закончит. Она вышла из машины и закрыла дверь. Она держала пистолет дулом вниз, спокойно направляясь в сторону парковки, где рядом с машинами стояли трое мужчин. Она знала, что не было причины волноваться, но всё же не могла сдержать дрожь. Даже когда среди мужчин она увидела Гарри Дугана, нервная дрожь не прошла.

«Обязательно было приводить сюда Брайерса?» – спросил один из мужчин.

«Он здесь ради меня, – сказала Макензи. – Вы ему не особо нравитесь».

Все трое засмеялись, посмотрели в сторону машины, из которой только что вышла Макензи, и одновременно помахали Брайерсу. Брайерс ответил притворной улыбкой и показал им средний палец.

«Я ему тоже всё ещё не нравлюсь?» – спросил Гарри.

«Нет, уж прости».

Двое мужчин обречённо посмотрели на Гарри и Макензи. Подобным образом они смотрели на них уже несколько недель. Пусть официально Макензи и Гарри и не были парой, но они были достаточно близки, чтобы это создавало напряжение в компании. Того из мужчин, что был ниже ростом, звали Шон Робертс, а вторым – крупным парнем ростом больше двух метром – был Трент Казенс.

Казенс кивнул в сторону Глока, который Макензи сжимала в руках, и достал свой пистолет.

«Ты в игре?»

«Кстати, у нас совсем мало времени», – добавил Гарри.

Все заговорщически огляделись. В воздухе витало волнение, и только сейчас Макензи вдруг поняла, что ей жутко нравилось всё происходящее. В первый раз с детства она могла с полным основанием заявить, что с волнением ждала чего-то.

«На счёт три», – сказал Шон Робертс.

Как по команде, все начали раскачиваться и прыгать на месте, пока Гарри считал:

«Один… два… три!»

Секунда, и все четверо разбежались в разные стороны. Макензи бросилась влево, в сторону одной из трёх машин. Позади слышался тихий звук выстрелов соперников. Конечно, это были холостые выстрелы из пейнтбольных пистолетов, которые как две капли воды были похожи на настоящее боевое оружие. Это был не первый её опыт участия в военных играх, но первый раз, когда с ней рядом не было инструктора или защитной экипировки.

Справа на асфальте, примерно в десяти сантиметрах от её ноги расплылось красное пятно краски. Макензи спряталась за машиной и осторожно пробралась к капоту. Опустившись на четвереньки, она увидела под днищем других машин две пары ног.

Пока Макензи осматривала парковку, двое соперников не двигались с места. Она знала, что наиболее выгодное место для засады было у каменного столба, удерживающего фонарь в центре. Как и другие объекты в Хоганс-Элли, эта парковка выглядела, как любая другая парковка в городе, но при этом была дополнена элементами, которые могут пригодиться в подготовке курсантов. Исходя из этого, Макензи знала, что где-то здесь находилась оптимальная позиция для успешного выполнения задания. И этим местом был фонарный столб. Она не могла сразу добраться до столба, потому что двое парней бросились к нему, когда Гарри начал обратный отсчёт. Сейчас же Макензи нужно было придумать, как дойти до цели и не быть убитой.

Если в неё попадут, то она проиграет. На кону было пятьсот долларов. Она думала о том, как давно существует эта необычная предвыпускная традиция

среди курсантов, которой по секрету всему свету делились между собой лучшие студенты потока.

Размышляя об этом, она заметила, что Гарри и Казенс перестреливаются на противоположной стороне парковки. Казенс спрятался за одной из машин, а Гарри стоял у мусорного бака.

Улыбнувшись, Макензи прицелилась в Казенса. Он хорошо устроился за машиной, и с места, где она находилась, Макензи явно не могла в него попасть, но могла напугать. Она прицелилась в крышу машины и выстрелила. Голубой шарик с краской разорвался и упал на землю. Макензи увидела, как Казенс резко отшатнулся, отвлёкшись от Гарри. Между тем, Гарри быстро воспользовался моментом и сделал два выстрела.

Макензи надеялась, что он разумно тратил патроны. Цель их несанкционированной ночной тренировки заключалась в том, чтобы в тебя не попали. У всех было одно и то же оружие – пистолет, стреляющий шариками с краской, – и одинаковое количество патронов, стандартный размер магазина Глока, по подобию которого было создано оружие. Это означало, что у каждого в запасе было пятнадцать выстрелов. Сейчас у Макензи осталось только четырнадцать, и она была уверена, что каждый из её соперников успел выстрелить как минимум по три-четыре раза.

Гарри и Казенс были заняты друг другом, а значит, Макензи оставался Шон. Только она не имела ни малейшего понятия, где он находился. Несмотря на свой немаленький рост, он умел неплохо прятаться.

Макензи осторожно встала на колени и подняла голову над капотом, ища на парковке Шона. Его она не увидела, но услышала негромкий хлопок выстрела. Стреляли с близкого расстояния. Она нагнулась в тот самый момент, когда шарик с краской ударил по бамперу машины. На руку попали капли зелёной краски, но они не считались за попадание.

Выход из игры следовал за «ранением» в руку, ногу, спину или живот. Единственное, что нельзя было делать, – это стрелять в голову. Шарики с краской были небольшого размера и сделаны из тонкого пластика, но даже они могли вызвать сотрясение мозга. А если такой шарик попадёт в глаз, можно навсегда ослепнуть. Именно по этим причинам Бюро официально не

поддерживало эти игры. В штаб-квартире знали о том, что они проходят ежегодно, но предпочитали закрывать на них глаза, позволяя выпускникам развлекаться самим по себе и под свою ответственность.

Благодаря этому выстрелу Макензи поняла, где прятался Шон. Он затаился за фонарным столбом. Именно его позицию планировала занять Макензи, потому что у него был отличный обзор всей парковки. Отвернувшись от неё, он быстро выстрелил в Гарри. Он промахнулся, и шарик попал в крышку мусорного бака, в нескольких сантиметрах над головой Гарри. Гарри прижался к земле, потому что сейчас и Шон, и Казенс стреляли в его сторону.

Макензи попыталась вывести Шона из игры и почти попала ему в плечо, но он припал к земле именно в момент её выстрела, и она промазала. Между тем, послышался голос Казенса – он кричал в порыве злости и боли.

«Я вылетел», – сказал он, медленно ковыляя к краю парковки. Он присел на скамью, где должны были молча сидеть выбывшие. На его лодыжке Макензи разглядела пятно жёлтой краски там, куда выстрелил Гарри.

Гарри воспользовался его появлением, как отвлекающим манёвром и бросился из своего укрытия за мусорным баком. Он бежал к третьей машине.

Пока Гарри бежал, Шон тоже покинул свою позицию. Он выкатился на свет и сначала выстрелил в сторону Макензи, чтобы не дать ей выйти из засады, а потом повернулся, чтобы поймать Гарри. Он снова выстрелил в него, и шарик упал на землю в пяти сантиметрах от левой ноги Гарри. Тем временем тот скрылся за машиной.

Макензи воспользовалась их перестрелкой, чтобы переместиться к багажнику, надеясь, что оттуда могла достать Шона. Она прицелилась в левую часть столба, туда же, куда метилась, скрываясь за капотом машины. Когда шарик с краской разорвался в той стороне, Шон, помедлив секунду, развернулся, не сводя глаз с капота. Тем временем, Макензи выбежала из-за багажника и быстро и тихо двинулась вперёд. Дойдя до точки, с которой можно было сделать идеальный выстрел, она прицелилась и попала ему прямо в бедро. На штанине расплылось зелёное пятно краски, забрызгав и рубашку. Он был настолько ошеломлён её выстрелом, что упал на землю, приземлившись на пятую точку.

«Я вылетел», – крикнул Шон, бросив сердитый взгляд на Макензи.

Как только он начал двигаться к краю парковки, чтобы присоединиться к Казенсу, Макензи заметила какое-то движение слева от себя.

«Хитрый паршивец», – подумала она.

Макензи припала к земле, спрятавшись за фонарным столбом. Над головой, как прожектор, ярко светил фонарь. Она понимала, что могла обернуть всё в свою пользу, когда противник находился в тени. Очень яркий свет мешал ему хорошо прицелиться.

Прижавшись спиной к бетону, она услышала, как шарик с краской разорвался, ударившись о столб с обратной стороны. В тишине со скамейки доносились довольные смешки Казенса и Шона.

«Это будет интересно», – сказал Казенс.

«Интересно? – ответил Шон. – Скорее больно».

Слыша их смех, Макензи сама не смогла сдержать улыбки. Она знала, что Гарри в неё выстрелит. Их отношения не относились к тому типу, когда молодой человек настолько влюблён, что готов дать своей пассии выиграть. Они были в одной лодке – завтра у обоих был выпускной.

Однако они проводили много времени как на учёбе, так и вне её. Макензи хорошо его изучила и знала его слабые стороны. Скрепя сердце она немного отклонилась назад, выбравшись из своего укрытия, и выстрелила, попав в колесо машины, за которой прятался Гарри.

Он сразу выдал своё местоположение, поднявшись над капотом. Она дёрнулась вправо, делая вид, что собирается снова спрятаться за столбом. Как и ожидала Макензи, он выстрелил в ту сторону. Макензи же перекатилась влево. Оторвав верхнюю часть туловища от земли, она подняла пистолет и выстрелила.

Шарик с краской угодил в правую часть его груди. В тени жёлтая краска была яркой, как солнце.

Гарри ссутулился и отшвырнул пистолет. Он вышел из-за машины, удивлённо качая головой.

«Я вылетел».

Макензи поднялась на ноги, наклонила голову и хмуро посмотрела на него.

«Ты обиделся?» – дразня, спросила она.

«Вовсе нет. Это было даже мило».

Казенс и Шон сидели на скамье и аплодировали. Брайерс вышел из машины и тоже начал хлопать. Она знала, что он за неё переживал, но при этом был очень горд, что она позвала его сюда. Обязательной частью ритуала было приглашение опытного агента, чтобы он мог помочь, если что-то пойдёт не так. Иногда такое случалось. Макензи слышала, что в 1999 году какому-то парню попали в заднюю часть колена, и на выпускной он пришёл на костылях.

Брайерс подошёл ближе, и они все вместе сели на скамью. Он потянулся в карман и достал оттуда пять сотен – выигрыш, на который они все скинулись, и который доверили ему для хранения. Брайерс передал деньги Макензи:

«Кто-то из вас думал, что будет по-другому?»

«Хорошая работа, Мак, – сказал Казенс. – Хорошо, что меня вывела из игры ты, а не один из этих придурков».

«Спасибо», – ответила Макензи.

«Не хочу показаться старым пердуном, – заметил Брайерс, – но сейчас уже почти час ночи. Идите домой и отдохните. Вы все. Не приходите на выпускной измотанные и уставшие».

Макензи снова волной накрыло счастье. Рядом были друзья – люди, которых она смогла узнать достаточно хорошо после возвращения к более или менее нормальной жизни, когда небольшой эксперимент МакГрата подошёл к концу девять недель назад.

Завтра они выпускаются из Академии, и, если всё пойдёт по плану, уже на следующей неделе получат удостоверение агента. Пока Гарри, Казенс и Шон даже не мечтали, что начнут карьеру с громких дел, Макензи с нетерпением ожидала предстоящей работы, в частности, времени, когда она присоединится к специальной группе агентов, о которой МакГрат говорил после завершения дела, над которым ей повезло поработать. Она до сих пор не знала, чем именно будет заниматься, но всё равно была очень взволнована.

Они разошлись, и каждый пошёл в свою сторону. Именно тогда Макензи почувствовала то, что не чувствовала уже давно. Она знала, что её ждёт прекрасное будущее, и что до него было рукой подать. Впервые за очень долгое время она знала, что отлично контролирует свою жизнь и то направление, в котором та движется.

***

Макензи смотрела на синяк на груди Гарри, отлично понимая, что должна сейчас испытывать сострадание, но не в силах сдержаться от смеха. Место, в которое угодил выпущенный ею шарик с краской, было огненно-красным, и раздражение распространилось на несколько сантиметров во все стороны. По виду синяк напоминал пчелиный укус, но Макензи знала, что он болел намного сильнее, чем болел бы укус.

Они стояли на кухне. Она завернула пакетик со льдом в кухонное полотенце и передала его Гарри. Он смешно прижал его к телу. Было очевидно, что он был одновременно смущён и тронут тем, что она позвала его к себе, чтобы убедиться, что с ним всё в порядке.

«Прости, – искренне сказала Макензи. – Давай на выигранные деньги я угощу тебя кофе».

«Кофе должен быть чертовски хорош», – ответил Гарри. Он отнял лёд от груди и, сморщившись, посмотрел на синяк.

Макензи смотрела на него, понимая, что пусть Гарри и был у неё дома больше дюжины раз, и иногда они целовались, он никогда прежде не оказывался в её квартире без рубашки. Кроме этого, впервые после расставания с Заком

полураздетый мужчина находился от неё так близко. Возможно, дело было в адреналине, бурлящем в крови после победы, или в завтрашнем выпускном, но ей нравилось то, что происходит.

Она подошла ближе и положила руку на здоровую часть груди Гарри, там, где было сердце. «Ещё болит?» – спросила Макензи, делая шаг вперёд.

«Сейчас уже нет», – нервно улыбаясь, ответил Гарри.

Она медленно провела рукой по коже и осторожно коснулась места, где был синяк. Потом, действуя исключительно на инстинкте, который она давно забыла, заменив скукой и обязанностью, она наклонилась и поцеловала синяк. Макензи почувствовала, как Гарри мгновенно напрягся. Она положила руку ему на талию и потянула ближе к себе. Она поцеловала его в ключицу, потом в основание плеча, потом в шею. Он вздохнул и прижал её ещё ближе к себе.

Такое происходило с ними уже не в первый раз. Они целовали друг друга, пока кто-то из них не понимал, что последует дальше. В предыдущие четыре раза казалось, что ими овладевала какая-то неведомая сила, и то, что с ними происходило, было неожиданно и незапланированно.

Меньше чем через десять секунд Гарри слегка прижал Макензи к кухонному столу. Правой рукой он гладил её грудь, а левая забралась под юбку. Сердце Макензи неистово билось в груди, и каждая мышца в теле кричала о том, что она его хочет, и что она готова.

Пару раз они заходили достаточно далеко, но оба раза всё завершалось, не успев начаться, и всё из-за Макензи. В первый раз она отстранилась в тот момент, когда Гарри начал лихорадочно расстёгивать пуговицу на её брюках. Во второй раз он был достаточно пьян, а она – трезвой, как стёклышко. Ни один из них не говорил об этом вслух, но подобная нерешительность была вызвана взаимным уважением и неуверенностью в будущем. Кроме того, Гарри слишком много значил для Макензи, чтобы она использовала его исключительно для удовлетворения физиологических потребностей. Он нравился её всё больше и больше, но секс для неё всегда был чем-то очень личным. До Зака в её жизни были всего двое мужчин, и отношения с одним из них свелись скорее к насилию, чем к сексу по взаимному желанию.

Об этом она думала, целуя Гарри. Макензи вдруг поняла, что её руки уже давно спустились ниже его груди. Гарри тоже это заметил: он снова напрягся и сделал глубокий вдох.

Макензи неожиданно отняла руки и отодвинулась. Она уставилась в пол, боясь увидеть разочарование в глазах Гарри.

«Постой, – сказала она. – Гарри… прости… я не могу…»

«Я понимаю, – немного разочарованно ответил он. – Я знаю, что…»

Макензи сделала глубокий вдох и отошла в сторону. Она отвернулась, не в силах выносить смятение и разочарование, которые читались в его взгляде: «Мы не можем. Я не могу. Прости».

«Всё в порядке, – всё ещё взволнованно сказал он. – Завтра важный день, и уже поздно. Поэтому я лучше пойду, пока не до конца осознал, что ты снова меня отшила».

Макензи повернулась к нему лицом и кивнула. Его колкое замечание её не обидело. В какой-то степени она его заслужила.

«Так будет лучше», – добавила она.

Гарри натянул рубашку, испачканную краской, и медленно направился к двери. «Сегодня ты себя отлично показала, – выходя, добавил он. – Никто не сомневался в том, что ты победишь».

«Спасибо, – безучастно ответила Макензи. – Гарри… мне, правда, жаль. Я не понимаю, что меня останавливает».

Он пожал плечами и открыл дверь. «Всё нормально, – сказал Гарри. – Просто я не думаю, что меня надолго хватит».

«Я понимаю», – с горечью ответила Макензи.

«Спокойной ночи, Мак».

Он закрыл дверь, и Макензи осталась одна. Она стояла на кухне и смотрела на часы. Было 1:15 ночи, но она совсем не устала. Наверное, игра в Хоганс-Элли вызвала слишком большой выброс адреналина.

Она всё же легла спать, но провела большую часть ночи, ворочаясь с боку на бок. В полузабытье ей снились сны, которые она не могла запомнить, но знала, что в каждом из них видела лицо отца. Он улыбался и гордился тем, чего она добилась, тем, что завтра она выпускалась из Академии.

Помимо его улыбки во всех снах присутствовало ещё кое-что, то, к чему она уже привыкла, и что видела всегда, как только выключался свет, и приходило время сна: взгляд его мёртвых глаз и кровь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

И хотя Макензи поставила будильник на восемь часов утра, разбудил её виброзвонок телефона в 6:45. Она проснулась, недовольно кряхтя. «Если это звонит Гарри, чтобы извиниться за то, что он даже не сделал, я его убью», – подумала она. Спросонья она взяла телефон и посмотрела на дисплей полузакрытыми глазами.

К счастью, звонил не Гарри, а Колби.

Удивлённая, Макензи ответила на звонок. Колби никогда не была ранней пташкой, и они не общались уже как минимум неделю. Дотошная до мозга костей, Колби, наверное, просто нервничала из-за выпускного и неясного будущего. Колби была единственной подругой Макензи среди других друзей-мужчин, поэтому она старалась делать всё возможное, чтобы сохранить дружбу, даже если это означало ранние звонки в день выпуска после четырёх с половиной часов плохого сна.

«Привет, Колби, – сказала Макензи. – Что случилось?»

«Ты ещё спишь?» – спросила подруга.

«Да».

«Боже, прости. Я думала, что, учитывая ситуацию, сегодня ты проснёшься на рассвете».

«Это всего лишь выпускной», – ответила Макензи.

«Ха! Как бы ни так», – с истерическими нотками в голосе заметила Колби.

«С тобой всё в порядке?» – спросила Макензи, медленно оторвавшись от подушки и выпрямившись.

«Всё будет отлично, – сказала Колби. – Послушай… Может, встретимся в Starbucks на Пятой улице?»

«Когда?»

«Как можно скорее. Я уже выхожу».

Макензи не хотелось никуда идти, ей даже не хотелось вылезать из постели. При этом она никогда не слышала Колби такой взволнованной. Макензи решила, что в такой важный день она должна поддержать подругу.

«Дай мне двадцать минут», – сказала она.

Вздохнув, Макензи встала с кровати и начала собираться, не обращая особого внимания на то, как будет выглядеть: она почистила зубы, натянула толстовку и спортивные штаны, собрала грязные волосы в хвост и вышла из дома.

До Пятой улицы было шесть кварталов, и по дороге туда Макензи начала чувствовать всю важность сегодняшнего дня. Сегодня ещё до полудня она выпустится из Академии ФБР. Она была одной из лучших на потоке. В отличие от других выпускников, с которыми она познакомилась за прошедшие двадцать недель с небольшим, её родные не приедут, чтобы отпраздновать такое событие вместе с ней. Она будет одна, как было почти всегда с шестнадцатилетнего возраста. Макензи очень старалась убедить себя, что этот факт её мало заботил, но это было не так. Ей не было грустно, просто это порождало в душе тревогу –

чувство, которое было ей так хорошо знакомо.

Дойдя до кофейни, Макензи заметила, что сегодня на дорогах было больше машин, чем обычно, возможно, из-за наплыва членов семей и друзей других выпускников. Макензи не стала сильно на этом зацикливаться. Последние десять лет жизни она пыталась не обращать внимания на то, что думают о ней мать и сестра, так зачем начинать сейчас?

Войдя в Starbucks, она заметила Колби. Та пила кофе и задумчиво смотрела в окно. Рядом стоял второй стакан кофе; и Макензи решила, что он был для неё. Она села напротив Колби, всем своим видом пытаясь показать, как она устала. Усевшись, Макензи угрюмо сощурилась.

«Это для меня?» – спросила она, беря стакан в руки.

«Да», – ответила Колби. Она выглядела уставшей, печальной и недовольной.

«Так что случилось?» – спросила Макензи, не дав Колби возможность начать разговор издалека.

«Я не выпускаюсь сегодня», – ответила подруга.

«Как это? – искренне удивившись, спросила Макензи. – Я думала, ты сдала все экзамены на отлично».

«Так и есть. Просто… я не знаю. Учёба в Академии выжила из меня все соки».

«Колби, ты ведь не серьёзно».

Голос Макензи прозвучал натянуто, но сейчас это было неважно. Это было так не похоже на Колби. Это решение стало следствием долгого копания в себе и не было шуткой или последним театральным выпадом неврастенички.

Неужели, она сдастся?

«Я говорю серьёзно, – ответила Колби. – Последние недели три я охладела к учёбе. Я как в клетке. Иногда я возвращаюсь домой и плачу в одиночестве. Я

больше так не хочу».

Макензи была поражена. Она не знала, что сказать:

«День выпуска – не лучшее время для таких решений».

Колби пожала плечами и снова уставилась в окно. Она казалась измученной и побеждённой.

«Колби, ты не можешь бросить учёбу. Не делай этого». Макензи хотела добавить ещё кое-что, но не сказала: «Если ты уйдёшь сейчас, это будет значить, что последние двадцать недель не имели смысла. Это будет означать, что ты струсила».

«Я не собираюсь бросать учёбу, – сказала Колби. – Я пойду на выпускной. Я должна это сделать. Мои родители приехали из Флориды, поэтому у меня нет выбора. Но на этом всё».

Когда Макензи только начала учёбу в Академии, инструкторы говорили, что за время пятимесячного курса процент исключений среди будущих агентов примерно равен двадцати. В прошлом показатель был выше и достигал тридцати процентов. В любом случае, было сложно представить среди этих людей Колби.

Колби была такой сильной и целеустремлённой. В этом случае как, чёрт возьми, она могла так запросто принять подобное решение?

«И что ты собираешься делать? – спросила Макензи. – Если ты готова оставить всё в прошлом, чем ты планируешь заниматься?»

«Не знаю, – ответила подруга. – Возможно, чем-нибудь в сфере предотвращения торговли людьми, анализом и исследованиями, например. Я хочу сказать, мне не обязательно быть агентом, ведь так? Существует масса других вариантов. Я просто не хочу быть агентом».

«Ты, видимо, серьёзно всё обдумала», – сухо констатировала Макензи.

«Да. Я хотела рассказать тебе всё сейчас, потому что после церемонии родители полезут с объятиями и не дадут и шагу ступить».

«Ох, бедняжка, – с иронией подумала Макензи. – Какой кошмар».

«Всё же я не понимаю», – вслух добавила она.

«Я об этом и не прошу. Ты в этом мастер. Тебе это нравится. Мне кажется, ты была рождена, чтобы стать агентом, понимаешь? А я… я не знаю. Думаю, я не справилась».

«Боже, Колби… мне очень жаль».

«Не стоит меня жалеть, – ответила Колби. – Как только я сплавлю маму и папу назад во Флориду, можно будет вздохнуть полной грудью. Я скажу им, что не рождена для выполнения этих глупых заданий, что раздают в Бюро, и буду заниматься тем, чем захочу».

«Ну… удачи тебе тогда», – сказала Макензи.

«Вот только не надо этого, – ответила подруга. – Ты заканчиваешь учёбу одной из лучших. Я не позволю, чтобы мои проблемы испортили тебе настрой. Ты была отличным другом, Мак. Я хотела, чтобы ты услышала новости сейчас от меня, а не просто заметила через пару недель, что я куда-то запропастилась».

Макензи даже не пыталась скрыть разочарование. Было неприятно вести себя, как ребёнок, но какое-то время она молчала и просто пила кофе.

«Ну, а ты? – спросила Колби. – На церемонии будут твои родственники или друзья?»

«Не будет ни тех, ни других».

«Ох, – слегка смутившись, ответила Колби. – Прости, я не знала…»

«Не стоит извиняться, – сказала Макензи. Теперь она сама, не мигая, смотрела в окно, а затем добавила. – Мне так даже лучше».

***

Выпускной не произвёл на Макензи никакого впечатления. Он был лишь немного более официальным, чем её выпускной в школе, но не таким стильным и официальным, как выпускной в колледже. Дожидаясь, когда назовут её имя, у неё была масса времени, чтобы вспомнить эти два выпускных и то, как её семья отдалялась от неё всё дальше и дальше с каждым из них.

Макензи помнила, что едва не плакала, поднимаясь на сцену во время школьной церемонии, опечаленная тем, что отец никогда не увидит, как она взрослеет. Она понимала это и до выпускного, пока была подростком, но именно тогда она вдруг окончательно осознала этот факт, поднимаясь на сцену за дипломом. В колледже она уже не особо об этом думала. Когда она шла по сцене во время церемонии, в зале не было никого из её родных. Это был поворотный для неё момент, когда Макензи поняла, что предпочитала идти по жизни в одиночестве. Если её семья не интересовалась её жизнью, то и она не интересовалась ими.

Церемония прошла без помпы и пафоса, и когда всё было позади, Макензи заметила Колби. Она фотографировалась с отцом и матерью в другой части большого вестибюля, в который вышли все гости после мероприятия. Макензи отметила, как хорошо Колби скрывала своё недовольство от родителей. А родители сияли от гордости.

Не зная, чем себя занять и чувствуя некоторую неловкость, Макензи гадала, как бы поскорее выйти из здания, вернуться домой, снять академическую одежду и открыть бутылку пива – а открыть за сегодняшний вечер таких она собиралась как минимум несколько. Направившись к двери, она услышала, как её окликнул знакомый голос.

«Макензи», – сказал мужчина. Она сразу догадалась, кто её звал. Она узнала его по голосу, а ещё потому, что в Бюро немногие называли её Макензи, в основном к ней обращались просто Уайт.

Это был Эллингтон. В костюме, казалось, ему было здесь так же дискомфортно, как и Макензи. Он смотрел на неё и очень довольно улыбался. Сейчас Макензи это не смущало.

«Привет, агент Эллингтон».

«Я думаю, в данной обстановке ты можешь называть меня Джаред».

«Я предпочитаю Эллингтон», – быстро улыбнувшись, ответила Макензи.

«Как ощущения?» – спросил он.

Она пожала плечами, вдруг осознав, что больше всего на свете хотела сейчас уйти как можно дальше отсюда. Она могла утверждать что угодно, но должна была признать, что без семьи, друзей и любимых чувствовала себя не в своей тарелке.

«И это вся твоя реакция?» – спросил Эллингтон.

«А что я должна чувствовать?»

«Удовлетворение. Гордость. Волнение. Список можно продолжать».

«Я всё это чувствую, – ответила Макензи. – Просто… я не знаю. Такие церемонии не для меня».

«Понимаю, – сказал Эллингтон. – Боже, как же я ненавижу носить костюмы».

Макензи собралась было заметить, что костюмы ему очень шли, когда увидела приближающегося МакГрата. Он шёл за Эллингтоном. Он тоже улыбался, но в отличие от последнего, его улыбка казалась натянутой. Он протянул Макензи руку, и она её пожала, удивившись слабости его рукопожатия.

«Рад, что ты закончила учёбу, – сказал МакГрат. – Знаю, что тебя ждёт блестящая карьера».

«Учёба прошло без проблем, верно?» – спросил Эллингтон.

«Лучшая на потоке, – добавил МакГрат, не давая Макензи вставить и слова. – Чертовски хорошая работа, Уайт».

«Спасибо, сэр», – вот всё, что она нашлась ответить.

МакГрат наклонился ближе, переведя разговор в деловую плоскость. «Я хочу видеть тебя в своём кабинете в понедельник, в восемь утра. Я хочу как можно скорее ввести тебя в курс дела. Твои документы уже делают, я давно позаботился о том, чтобы всё было готово, когда настанет день X. Видишь, как я в тебя верю. Не будем терять время. Понедельник, восемь утра. Договорились?»

«Конечно», – ответила Макензи, удивившись нетипичному для директора проявлению поддержки.

МакГрат улыбнулся, вновь пожал ей руку и быстро скрылся в толпе.

Когда он ушёл, Эллингтон задумчиво посмотрел на неё и расплылся в широкой улыбке.

«Видимо, у него сегодня хорошее настроение. Должен заметить, такое случается нечасто».

«Думаю, для него это важный день, – ответила Макензи. – Новая партия талантливых агентов, из которой он может выбрать любого».

«Это верно, – подтвердил Эллингтон. – Отбросив шутки в сторону, нужно сказать, что он действительно умеет отлично распределять кадры. Не забывай об этом во время встречи в понедельник».

Повисла неловкая тишина. Они давно привыкли к этой тишине, вокруг которой формировалась их дружба или то, что было между ними, чем бы оно ни было.

«Послушай, – продолжил Эллингтон, – я просто пришёл тебя поздравить. Ещё я хотел сказать, что ты всегда можешь позвонить мне, если станет трудно. Я знаю, что слова звучат глупо, но иногда бывают моменты, когда даже такой знаменитости, как Макензи Уайт нужно выпустить пар. Работа очень быстро изводит».

«Спасибо», – ответила Макензи.

Вдруг ей захотелось предложить ему уйти вместе с ней. Её просьба не имела романтического характера, ей просто захотелось, чтобы рядом был кто-то знакомый. Макензи достаточно хорошо знала Эллингтона, и, несмотря на то, что у неё были неоднозначные чувства к нему, ей хотелось, чтобы он был рядом. Макензи не желала в этом признаваться, но она хотела как-то отметить этот день и это событие её жизни. Несколько часов неловкости в компании Эллингтона были лучше (и, наверно, эффективнее), чем выпивка в одиночестве, приправленная жалостью к себе.

Но она ничего не сказала. Если бы даже Макензи набралась смелости, её слова уже ничего не значили: Эллингтон быстро кивнул и потом скрылся в толпе, как МакГрат.

Макензи осталась стоять, пытаясь избавиться от нарастающего чувства бескрайнего одиночества.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда в понедельник, в свой первый рабочий день Макензи пришла в офис, в памяти, как мантра, повторялись слова Эллингтона: «Он отлично распределяет кадры. Не забывай об этом во время встречи в понедельник».

Макензи цеплялась за эти слова для успокоения, потому что должна была признать, что нервничает. Она ничуть не успокоилась, когда встретила одного из помощников МакГрата, Уолтера Хазбрука, который был начальником её отдела. Словно ребёнка, он проводил её до лифта. На вид ему было около шестидесяти, и в нём было больше десяти килограмм лишнего веса. Он был непримечательной личностью, и хоть Макензи не имела ничего против него лично, ей не нравилось, что он разговаривал с ней, как с глупышкой.

Его тон не изменился, когда они дошли до третьего этажа, где лабиринт перегородок чем-то напоминал клетки в зоопарке. За каждой перегородкой сидел агент, некоторые разговаривали по телефону, другие что-то печатали в компьютерах.

«А это твой кабинет, – сказал Хазбрук, указывая на рабочее место в середине внешнего ряда. – Это Центр исследований и наблюдений. Войдя в почту, ты увидишь несколько новых писем с паролями к серверам и списком контактов сотрудников Бюро».

Немного разочарованная, она прошла к столу. Макензи всё ещё нервничала. Она надеялась начать карьеру с интересного дела, но этого не произошло; тем не менее, она сделала первый шаг на пути к тому, к чему стремилась со времён школы. Она выдвинула стул на колёсиках и плюхнулась на сиденье.

Ноутбук, стоящий на столе, теперь был её. Это был один из пунктов, о которых поведал ей Хазбрук в ходе разговора. Стол тоже был её, стены перегородки тоже были её, как и весь этот маленький кабинет. Он не был красивым, но это был её кабинет.

«Тебе на почту отправили подробности первого задания, – сказал Хазбрук. – На твоём месте я бы сразу принялся за работу. Для координации действий свяжись с курирующим агентом, но к концу дня ты должна досконально знать дело».

«Понятно», – ответила Макензи, включая компьютер. Где-то в глубине души она продолжала злиться на то, что ей досталась офисная работа. Она бы предпочла оперативную, ведь именно о ней говорил МакГрат, и именно такую работу она ожидала.

«Каким бы блестящим ни было твоё резюме, – урезонивала она себя, – нельзя ожидать, что они сразу дадут тебе что-то крупное. Возможно, пришло время платить по счетам, или же МакГрат хочет показать, кто здесь главный, и поставить тебя на место».

Макензи не успела ничего ответить на монотонно-сухие инструкции Хазбрука, как он развернулся и быстро направился к лифту, словно радуясь, что наконец выполнил свои обязанности.

Когда он ушёл, и Макензи осталась одна в своём «кабинете», она открыла компьютер, не понимая, почему так нервничает.

«Потому что этот день настал, – подумала она. – Я много работала, чтобы оказаться здесь, и это случилось. Все ждут от меня действий, и я не могу

ошибиться, даже если речь идёт об обычной кабинетной работе».

Она проверила почту и быстро ответила на те письма, что требовали ответа до начала работы над заданием. Уже через час она получила все нужные документы и информацию. Она была настроена доказать МакГрату, что он растрачивал её талант, не допуская к оперативной работе.

Она изучала карты, сверяла записи телефонных звонков и данные GPS, пытаясь вычислить местоположение двух человек, подозреваемых в секс-торговле. Не прошло и часа кропотливой работы, как Макензи поняла, что получает удовольствие от того, что делает. Сейчас её нисколько не беспокоил факт, что она не могла лично поймать подозреваемых. Она была сконцентрирована на задании, у неё была цель – большего ей и не требовалось.

Конечно, это была чёрная и фактически скучная работа, но Макензи решила, что это никак не повлияет на качество её исполнения. Она прервалась на обед, а потом вернулась за стол, работая результативно и с энтузиазмом. Когда рабочий день подошёл к концу, она отправила руководителю отдела свои наработки и направилась к выходу. Она никогда не работала в офисе, но её нынешняя работа была очень похожа на конторскую. Единственное отличие заключалось в том, что у неё был ненормированный рабочий день.

Когда Макензи дошла до машины, её вновь охватило отчаяние. Офисная работа. Жизнь перед экраном компьютера, ограниченная офисными перегородками. Не такой она представляла себе будущую карьеру.

Тем не менее, Макензи гордилась тем, что делала. Она не могла позволить амбициям или завышенным ожиданиям принизить тот факт, что сейчас она была агентом ФБР. Она не могла не вспомнить Колби. Макензи гадала, чем сейчас занималась подруга, и что бы та сказала, узнай она, что Макензи начала карьеру в Бюро с перекладывания бумажек.

Где-то в глубине души Макензи думала, что из них двоих Колби была умнее, приняв решение уйти.

Неужели, она так и останется на офисной работе?

***

На следующее утро Макензи пришла в Бюро с твёрдым намерением отлично провести день. Вчера она добилась неплохих результатов и думала, что если будет продолжать работать быстро и эффективно, МакГрат это заметит.

Первое, что она отметила, это то, что ей дали новое дело о мошенничестве с грин-картами. В приложении к письму было более трёхсот страниц свидетельских показаний, правительственных постановлений и документов, написанных юридическим языком. Это была очень скучная работа.

Вне себя от негодования Макензи взглянула на телефон. У неё был доступ к серверам, а значит, она могла раздобыть номер МакГрата. Она думала о том, что он ей ответит, если она позвонит и спросит, за что её так наказывают.

Всё же Макензи решила ничего не предпринимать. Вместо этого она распечатала все документы, разложив их по стопкам на столе.

Двадцать минут спустя после того, как она принялась за это нудное занятие, она услышала стук. Обернувшись и увидев перед собой МакГрата, Макензи замерла на месте.

Он улыбался ей той же улыбкой, которую она впервые увидела на выпускном. Судя по ней, он и предположить не мог, что Макензи находила работу в офисе унизительной.

«Прости, что не зашёл сразу, – сказал МакГрат. – Я решил заглянуть и узнать, как у тебя дела».

Макензи сдержалась, чтобы не озвучить те слова, что сразу пришли на ум. Она нерешительно пожала плечами и ответила: «У меня всё в порядке. Просто… я немного сбита с толку».

«Почему?»

«Видите ли, вы пару раз говорили мне, что с нетерпением ждали, когда я получу значок агента. Я просто не думала, что буду сидеть в офисе и распечатывать

документы на грин-карту».

«Понимаю, понимаю, но прошу мне довериться. Всё идёт по плану. Не высовывайся и делай свою работу. Твоё время придёт, Уайт».

В голове она вновь услышала голос Эллингтона: «Он отлично распределяет кадры».

«Как пожелаете», – подумала она.

«Поговорим позже, – добавил МакГрат, – до встречи».

Как и Хазбрук днём ранее, казалось, МакГрат очень торопился уйти как можно дальше от этого помещения с перегородками. Макензи смотрела ему вслед, гадая, чему её должны были научить эти задания. Не то, чтобы она чувствовала себя лучше других, но, чёрт побери…

То, что Эллингтон сказал о МакГрате… Должна ли она этому верить? Вспомнив об Эллингтоне, ей стало интересно, знает ли он, чем она сейчас занимается. Потом Макензи подумала о Гарри, испытав чувство вины за то, что не звонила ему последние несколько дней. Гарри сам не звонил ей, потому что знал, что она не любит, когда на неё давят. Это была одна из причин, почему они до сих пор не расстались. Никто и никогда не был с ней так терпелив. Даже Зак её не выдержал, и единственная причина их долгих отношений заключалась в том, что им было удобно быть вместе, и они не хотели беспокоить себя переменами.

К полудню Макензи собрала последнюю стопку бумаг. Прежде чем погрузиться в безумие форм и заметок, она решила пообедать и выпить большой стакан кофе.

Она направилась вниз по коридору к лифтам. Когда лифт приехал, и двери открылись, она с удивлением увидела в нём Брайерса. Он тоже не ожидал её здесь встретить, но, тем не менее, широко улыбнулся.

«Куда собираешься?» – спросила Макензи.

«Я хотел навестить тебя и спросить, не желаешь ли перекусить».

«Я как раз иду на обед».

Они вместе спустились вниз и заняли столик в небольшой кулинарии в квартале от здания. Когда они уже сидели с сэндвичами в руках, Брайерс многозначительно спросил: «Как дела?»

«Ну… дела идут. Сижу за столом, окружённая перегородками, и изучаю нескончаемые стопы бумаг – это не совсем то, о чём я мечтала».

«Если бы это сказал какой-нибудь другой молодой агент, я бы принял его слова за избалованность, – сказал Брайерс, – но должен сказать, что я с тобой согласен. Они растрачивают твой талант. Именно поэтому я здесь. Я пришёл, чтобы тебя спасти».

Макензи удивлённо подняла на него глаза.

«Как ты меня спасёшь?»

«Дам новое дело, – ответил Брайерс. – Хочу сказать, что если ты хочешь заниматься тем, чем занимаешься и дальше изучать иммиграционное мошенничество, я всё пойму. Но мне кажется, я могу предложить кое-что, что тебе покажется более интересным».

У Макензи от волнения быстрее забилось сердце.

«Ты можешь так запросто дать мне другое задание?» – подозрительно спросила она.

«Могу. В отличие от прошлого раза сейчас тебя все поддерживают. Полчаса назад мне звонил МакГрат. Он не был в восторге, от того, что ты сразу примешься за оперативную работу, но я его убедил».

«Правда?» – с облегчением спросила Макензи. Как заметил Брайерс, она начала чувствовать себя избалованным ребёнком.

«Можешь проверить историю звонков. Он хотел сам сообщить тебе о своём решении, но я попросил, чтобы он пошёл мне навстречу и позволил рассказать

всё самому. Мне кажется, ещё вчера он понял, что даст тебе это задание, но мы решили подождать, чтобы убедиться, что есть все основания для открытия дела».

«Убедились?» – спросила Макензи, сгорая от нетерпения.

«Да. Мы обнаружили тело в парке в Страсберге, Вирджиния. Травмы похожи на те, что мы нашли на другом теле примерно в том же районе два года назад».

«Думаешь, убийства могут быть связаны?»

Брайерс проигнорировал её вопрос и откусил большой кусок от бутерброда.

«Я расскажу тебе всё по дороге. А сейчас давай просто поедим. Наслаждайся тишиной, пока есть такая возможность».

Макензи кивнула и начала есть сэндвич, хотя аппетит куда-то пропал.

Она чувствовала волнение, смешанное со страхом и печалью. Кого-то убили, и она должна найти виновного.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Они выехали из Куантико сразу после обеда. Брайерс вёл машину, направляясь на юго-запад. Макензи казалось, что её спасли от скуки только для того, чтобы подвергнуть опасности.

«Что ты можешь рассказать мне об этом деле?» – наконец спросила она.

«В Страсберге, Вирджиния было найдено тело. Его нашли в национальном парке. Характер травм схож с другим убийством, которое произошло примерно в том же районе около двух лет назад».

«Думаешь, эти убийства связаны?»

«Как по мне, они должны быть связаны. То же место, та же жестокость. Документы в папке на заднем сиденье. Можешь взглянуть».

Макензи потянулась на заднее сиденье и взяла оттуда портфель, который Брайерс всегда носил с собой, когда нужно было что-то изучить. Из портфеля она извлекла единственную папку, не переставая задавать вопросы.

«Когда нашли второе тело?» – спросила она.

«В воскресенье. Пока мы не обнаружили никаких улик, чтобы определиться с направлением расследования. Ты нам нужна».

«Почему я?» – с любопытством спросила Макензи.

Брайерс посмотрел на неё с тем же любопытством.

«Сейчас ты агент и отлично разбираешься в подобных делах, – ответил он. – Люди говорят о тебе, те люди, что и знать не знали, кто ты такая, когда ты только появилась в Куантико. Это нетипично, чтобы молодому агенту доверили такое дело, но ты ведь у нас не типичный агент, ведь так?»

«А это хорошо или плохо?» – спросила Макензи.

«Я думаю, всё будет зависеть от того, как ты себя покажешь», – добавил Брайерс.

Макензи больше ничего не сказала, сконцентрировавшись на изучении папки. Брайерс то и дело поглядывал в её сторону, либо чтобы наблюдать за её реакцией, либо чтобы следить за тем, какие именно документ она просматривает. Пока Макензи листала папку, он вводил её в курс дела.

«На то, чтобы связать это убийство с тем, что произошло почти два года назад в тридцати пяти милях от него, у нас ушло не больше нескольких часов. Фотографии в папке с первого убийства».

«Два года назад, – подозрительно повторила Макензи. На фотографии было изображено сильно изуродованное тело. Увечья были настолько ужасными, что Макензи на мгновение отвела взгляд. – Как вы так быстро связали два убийства, совершённые через большой промежуток времени?»

«Жертвы были найдены в одном и том же национальном парке и убиты с особой жестокостью. Ты же знаешь, как мы в Бюро относимся к совпадениям?»

«Их не существует?»

«Совершенно верно».

«Страсберг, – сказала Макензи. – Никогда там не была. Это маленький городок?»

«Нет, скорее средних размеров. Население примерно шесть тысяч человек. Южный городок, живущий воспоминаниями о Гражданской войне».

«И там есть национальный парк?»

«Да, – ответил Брайерс. – Я тоже об этом не знал. Парк довольно большой. Называется «Литтл Хилл». Протяжённость семьдесят миль, доходит почти до Кентукки. Пользуется популярностью, как место для рыбалки, кемпинга и пеших прогулок. Много неизведанных мест. Такой вот парк».

«Как обнаружили тела?» – спросила Макензи.

«Второе нашла отдыхающая в субботу вечером, – ответил Брайерс. – На тело, которое нашли два года назад, было невозможно смотреть. Его обнаружили через несколько недель после самого убийства. Труп частично сгнил и был покусан дикими животными. Это видно на фотографиях».

«Есть данные о том, как их убили?»

«Пока мы ничего не нашли. Тела были очень сильно изуродованы. У того, что нашли два года назад, не было головы, все десять пальцев были отрезаны, и их так и не нашли, и не хватало части правой ноги ниже колена. Тело второй жертвы было разбросано по периметру: левую ногу нашли в двух сотнях футов

от остального туловища. Правую руку отрезали, и её до сих пор ищут».

Макензи вздохнула, поражённая жестокостью.

«Ужасно», – тихо сказала она.

Брайерс кивнул.

«Да».

«Ты прав, – заметила Макензи. – Сходства слишком явные, чтобы их игнорировать».

Брайерс ничего не ответил и закашлялся, прикрывая рот рукой. Это был глубокий кашель, выматывающий и сухой, который часто появляется после сильной простуды.

«С тобой всё в порядке?» – спросила Макензи.

«Да, всё в норме. Осень на носу. В это время года у меня всегда обостряются аллергии. А как ты? Ты в порядке? Выпускной позади, ты официально стала агентом, и, как говорится, теперь всё в твоих руках. Это тебя радует или пугает?»

«И то, и другое», – честно ответила она.

«В субботу были твои родные, чтобы поздравить?»

«Нет, – сказала Макензи. Не давая Брайерсу возможность придать лицу печальный вид или выразить свои сожаления, она добавила, – но всё в порядке. Я не очень близка с родными».

«Понимаю, – сказал он. – У меня то же самое. Мои родители были хорошими людьми, но я стал подростком и начал вести себя, как подросток, и они махнули на меня рукой. Для них я был не достаточно хорошим христианином. Много таскался за юбками и всё такое прочее».

Макензи ничего не ответила, потому что была шокирована его словами. Так много Брайерс не рассказывал о себе за всё время их знакомства, неожиданно выдав кучу личной информации за какие-то двенадцать секунд.

И, сама не понимая, что делает, Макензи тоже заговорила. Когда слова слетели с губ, у неё было такое чувство, будто её стошнило.

«Моя мать повела себя примерно так же, – начала она. – Я взрослела, и она поняла, что больше не может меня контролировать. А если она не могла меня контролировать, то я была ей больше не интересна. Одновременно с тем, как она потеряла контроль надо мной, она потеряла контроль и над собственной жизнью».

«Какие родители всё-таки чудесные люди, да?» – заметил Брайерс.

«По-своему, да».

«А что отец?» – снова спросил он.

Вопрос кольнул её в самое сердце, но Макензи вновь поразила себя тем, что ответила. «Он умер», – прочеканила она. В глубине души ей хотелось рассказать Брайерсу о смерти отца и о том, как она обнаружила его тело.

Время, проведённое врозь, пошло на пользу их взаимоотношениям, но Макензи была пока ещё не готова делиться такой личной информацией с напарником. Тем не менее, несмотря на её сдержанный ответ, Брайерс не замкнулся, а с готовностью продолжил разговор. Макензи гадала, не была ли связана такая перемена с тем, что сейчас работа с ней в паре была полностью одобрена его прямым начальником.

«Сочувствую, – сказал он таким тоном, чтобы дать ей понять, что принимает её нежелание говорить на эту тему. – Мои родители… не понимали, почему я выбрал такую работу. Они были набожными христианами. Когда в семнадцать лет я сказал им, что не верю в Бога, они, можно сказать, от меня отказались. С тех пор я не виделся с ними вплоть до самой их смерти. Отец умер через шесть лет после матери. После того, как её не стало, мы с ним вроде как помирились и общались, пока он не умер от рака лёгких в 2013 году».

«По крайне мере, у тебя был шанс наладить отношения», – заметила Макензи.

«Верно», – ответил Брайерс.

«Ты был женат? У тебя есть дети?»

«Был женат семь лет. В браке родились две дочери. Одна из них сейчас учится в колледже в Техасе. Вторая живёт в Калифорнии. Она перестала со мной общаться десять лет назад, когда бросила школу, забеременела и обручилась с каким-то двадцатишестилетним парнем».

Макензи кивнула, считая, что разговор перешёл в категорию неловких. Было странно слышать откровения Брайерса, но Макензи ценила его открытость. Кое-что из того, что он ей рассказал, вписывалось в общую картину. Брайерс был по природе отшельником, и это могло быть следствием натянутых отношений с родителями.

Большим открытием для Макензи была информация о дочерях, с которыми он почти не общался. Это объясняло, почему он был так искренен в общении с ней, и почему ему нравилось с ней работать.

Следующие два часа они разговаривали немного, в основном о деле и об учёбе Макензи в Академии. Было приятно поговорить об этом, и Макензи начала чувствовать себя виноватой за то, что не рассказала больше, когда Брайерс спросил об отце.

Через час и пятнадцать минут появились знаки, говорящие о том, что они въезжают в Страсберг. Можно было почувствовать, как изменилась атмосфера в машине: они отложили личные разговоры в сторону и сконцентрировались на работе.

Через шесть минут Брайерс въехал в город. Макензи напряглась. Это было приятное напряжение, что-то подобное она испытала тогда, когда вошла на парковку в ночь перед выпускным, держа в руках пейнтбольный пистолет.

Она была на месте. Она не просто приехала в Страсберг, а открыла новую главу своей жизни, о которой мечтала с той самой минуты, как начала работать в

Небраске, выполняя грязную работу конторского служащего, ещё до того, как у неё появился шанс проявить себя.

«Боже мой, – подумала она, – неужели, с тех пор прошло всего пять с половиной лет?»

Так оно и было. Сейчас, когда пришло время воплощать мечты в реальность, пять лет, разделяющие канцелярскую работу в Небраске и этот момент, когда она сидела на пассажирском сиденье в машине Брайерса, казались стеной, разделяющей две части её жизни. Макензи казалось, что эти две жизни были невероятно далеки друг от друга. Прошлое всегда сдерживало её, но сейчас, когда она вырвалась из его объятий, Макензи была рада оставить прошлое гнить в прошлом.

Появилась вывеска национального парка «Литтл Хилл». Брайерс снизил скорость, а сердце Макензи забилось быстрее. Она прибыла на место. Её первое дело в карьере. Она знала, что все будут следить за тем, как она справляется с работой.

Время пришло.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда Макензи вышла из машины на парковке для посетителей у парка «Литтл Хилл», она внутренне съёжилась, почувствовав в воздухе свойственную месту убийства ауру напряжения. Она не понимала, как могла её ощущать, но всё же ощущала. Наверное, это было шестое чувство, о наличии которого Макензи иногда жалела. Казалось, что никто из её коллег ничем подобным не обладает.

Она решила, что в этом им крупно повезло. С одной стороны, такой дар был благословением, но и проклятием, с другой.

Они пересекли парковку, направляясь к центру помощи туристам. Осень ещё не пришла в Вирджинию, но об её быстром приближении говорили проблески красных, жёлтых и оранжевых листьев среди общей зелени. Будка охраны

находилась за центром. В ней сидела женщина, которая со скучающим видом поздоровалась с ними, махнув рукой.

В лучшем случае центр можно было описать, как очень унылое заведение. На редких полках лежали футболки и бутылки для воды. На небольшой полке справа лежали карты местности и несколько брошюр с советами по удачной рыбалке. В центре за стойкой стояла пожилая женщина. Судя по всему, она уже несколько лет, как вышла на пенсию. Она мило улыбалась.

«Вы из ФБР, верно?» – спросила старушка.

«Верно», – ответила Макензи.

Женщина быстро кивнула и подняла трубку стационарного телефона, стоящего позади стойки. Она набрала номер, читая с листка бумаги, лежащего рядом с трубкой. Женщина ждала, пока ей ответят. Макензи повернулась к ней спиной. Брайерс последовал её примеру.

«Ты говорил, что лично не разговаривал ни с кем из полиции Страсберга, так?» – спросила она.

Брайерс кивнул.

«Мы здесь, чтобы помочь местным властям или отобрать у них дело?»

«Посмотрим по обстоятельствам».

Макензи кивнула, и они развернулись лицом к стойке. Старушка только что положила трубку и снова подняла на них глаза.

«Шериф Клементс будет здесь через десять минут. Он встретит вас у будки охраны на улице».

Они вышли из здания и направились назад к будке. Макензи была очарована обилием красок в листве. Она шла медленно, наслаждаясь видом.

«Эй, Уайт, – начал Брайерс, – ты в порядке?»

«Да. Почему ты спрашиваешь?»

«Ты вся дрожишь. Лицо немного бледное. Как опытный агент ФБР могу сказать, что ты нервничаешь, очень сильно нервничаешь».

Макензи сжала пальцы в кулаки, осознав, что они, действительно, немного дрожат. Конечно, она нервничала, но надеялась, что никто это не замечает. Очевидно, притворялась она не очень искусно.

«Послушай. Ты участвуешь в большом расследовании. Вполне нормально, что ты нервничаешь. Просто научись с этим справляться. Не пытайся бороться с волнением или его скрывать. Как бы нелогично всё это ни звучало, доверься моему опыту».

Макензи смущённо кивнула.

Они шли дальше, больше не говоря ни слова. Яркая листва окружала со всех сторон. Макензи смотрела вперёд на будку охранника, не сводя глаз со шлагбаума, отходящего от будки и перекрывающего проезд. Это могло показаться глупым, но она думала, что будущее ждёт её по ту сторону шлагбаума, наполняя Макензи тревогой и волнением.

Через несколько секунд послышался тихий шум мотора. Почти сразу после него показался гольф-карт, выворачивающий из-за угла. Карт ехал на максимальной для себя скорости, а мужчина, управляющий им, сгорбился за рулём, словно мог тем самым заставить его двигаться быстрее.

Чем ближе подъезжал гольф-карт, тем лучше Макензи могла рассмотреть водителя, который, по её предположению, и был шерифом Клементсом. На вид ему было за сорок. У него был суровый тусклый взгляд человека, которого немало потрепала жизнь. Чёрные волосы начали седеть на висках, а вечерний свет оставлял на лице мрачную тень, которая, вполне возможно, никогда с него не сходила.

Клементс припарковал карт, даже не взглянув на охранника в будке, обошёл шлагбаум и направился к Макензи и Брайерсу.

«Агенты Уайт и Брайерс», – представилась Макензи, протягивая руку.

Клементс вяло её пожал. Он поздоровался с Брайерсом, а потом посмотрел на асфальтированную дорожку, по которой только что приехал.

«Если говорить начистоту, – сказал шериф, – конечно, я ценю, что Бюро заинтересовалось нашим делом, но я не уверен, что нам нужна ваша помощь».

«Раз мы уже здесь, то давайте мы сами посмотрим, можем ли мы как-нибудь вам помочь», – ответил Брайерс, стараясь звучать как можно дружелюбнее.

«Тогда забирайтесь в карт и давайте посмотрим», – сказал Клементс. Пока они забирались в машину, Макензи пыталась понять, что за человек был этот шериф. Её волновала реакция Клементса: либо он сильно нервничал из-за случившего, либо по природе был ослом.

Она села на переднее сиденье рядом с водителем, а Брайерс разместился сзади. Шериф не проронил ни слова. Более того, он всем своим видом давал понять, как неприятно ему работать для них извозчиком.

Примерно через минуту Клементс доехал до развилки и повернул карт направо. Асфальтированная дорога уступила место узкой тропинке, на которой едва хватало места для небольшой машины.

«Какие инструкции вы дали охраннику в будке у въезда?» – спросила Макензи.

«Никого не впускать, – ответил Клементс. – Без моего разрешения не пропускать ни егерей, ни копов. Здесь и так полно людей, что только усложняет нам работу».

Макензи проигнорировала явный выпад в их сторону. Она не собиралась спорить с Клементсом до тех пор, пока они с Брайерсом не осмотрят место преступления.

Примерно пять минут спустя шериф ударил по тормозам и выпрыгнул из машины, не успела она как следует затормозить. «Пошлите за мной, – произнёс он так, словно общался с детьми. – Сюда».

Макензи и Брайерс вышли из гольф-карта. Их окружал высокий лес. Здесь было красиво, но пугающе тихо. Эту тишину Макензи восприняла, как знак, не предвещающий ничего хорошего, а лишь враждебность и плохие новости.

Быстро шагая впереди, Клементс повёл их вглубь леса. Нельзя сказать, что они шли по какой-то тропинке, скорее, просто пробирались сквозь чащу. То и дело на глаза Макензи попадались следы старых троп, петляющие среди кустов и огибающие деревья. Больше на земле ничего видно не было.

Не отдавая себе отчёта в том, что делает, Макензи пошла впереди Брайерса, стараясь не отставать от Клементса. Пару раз ей пришлось уворачиваться от низко висящей ветки или смахивать паутину с лица.

Через две-три минуты ходьбы до неё начали доноситься человеческие голоса. Шорох шагов становился всё громче, и она начала понимать, о чём говорил Клементс. Не видя место преступления своими глазами, она уже могла сказать, что там было намного больше людей, чем хотелось бы.

И минуты не прошло, как она смогла подтвердить эту догадку, стоило им выйти к месту. Большим треугольником посреди леса виднелись невысокие флажки с оградительной лентой. Внутри этого периметра Макензи насчитала восемь человек, включая шерифа. С нею и Брайерсом их станет десять.

«Понимаете, о чём я говорил?» – спросил Клементс.

Брайерс встал рядом с Макензи и тяжело вздохнул: «Полный бардак».

Не двигаясь с места, Макензи попыталась оглядеть всё место преступления. Из восьми присутствующих четверо были офицерами полиции из местного управления. Их выдавала форма. Двое других тоже были в форме, но их форма отличалась. Макензи решила, что это были представители полиции штата. Больше она не отвлекалась на людей и их разговоры, пытаясь сконцентрироваться на самом месте убийства.

В нём не было ничего примечательного. Ничего, что привлекало бы внимание или указывало на символизм преступления. Насколько Макензи могла судить, этот участок леса ничем не отличался от любого другого в округе. Деревья стояли не очень плотно друг к другу, но всё же создавали атмосферу уединения.

Оглядевшись, Макензи перевела внимание на собравшихся здесь людей. Они спорили между собой: некоторые выглядели взволновано, один или два казались взбешёнными. Одежда последних двух мужчин никак не указывала на род их занятий.

«Кто эти без формы?» – спросила Макензи.

«Не знаю», – ответил Брайерс.

Клементс обернулся и посмотрел на них с ухмылкой. «Это егеря, – сказал он. – Джо Эндрюс и Чарли Холт. Когда случается подобное дерьмо, они думаю, что тоже имеют право участвовать в расследовании».

Один из егерей поднял на них глаза. Во взгляде читалась злоба. Макензи показалось, что шериф махнул головой в его сторону, когда назвал имя Джо Эндрюс. «Следи за языком, Клементс. Это территория национального парка, – сказал Эндрюс. – У тебя здесь столько же власти, сколько у гнуса».

«Возможно, – ответил шериф. – Но ты знаешь не хуже моего, что стоит мне сделать один единственный звонок в участок, и всё изменится. Я могу сделать так, что уже через час тебя здесь не будет, поэтому делай свою работу и убирайся».

«Ах ты, самонадеянный уб…»

«Хватит, – вступил в разговор третий мужчина. Это был один из полицейских штата. Он был огромный, как гора и благодаря солнцезащитным очкам походил на злодея из боевиков восьмидесятых. – У меня хватит полномочий, чтобы вышвырнуть отсюда вас обоих. Прекратите вести себя, как дети, и займитесь делом».

Только сейчас полицейский заметил присутствие Макензи и Брайерса. Он подошёл к ним и покачал головой, словно извиняясь.

«Простите, что вам приходится слушать эту чушь, – сказал он, подходя ближе. – Меня зовут Роджер Смит, я из полиции штата. Ну и дельце тут у нас».

«Мы здесь, чтобы в нём разобраться», – сказал Брайерс.

Смит развернулся и громогласно произнёс: «Расступитесь. Пусть федералы работают».

«А когда работать нам?» – спросил второй егерь. «Чарли Холт», – вспомнила Макензи. Он подозрительно оглядел её и Брайерса. Макензи показалось, что в их присутствии он начал робеть и тушеваться. Когда Макензи посмотрела на него, он опустил глаза и нагнулся, чтобы поднять жёлудь. Он повертел его в руках, а потом начал снимать шляпку.

«У вас было достаточно времени, – ответил Смит. – Можете отойти на минуту, хорошо?»

Все последовали его приказу. Больше всех были недовольны егеря. Думая, как бы разрядить обстановку, Макензи решила, что попытается вовлечь их в свою работу, чтобы они сменили гнев на милость.

«Что входит в обязанности егерей в подобных расследованиях?» – спросила она, пролезая под лентой и оглядываясь. Макензи увидела указатель на том месте, где была обнаружена нога. Там лежала небольшая табличка с соответствующим названием. На приличном расстоянии от неё находился другой указатель там, где нашли само тело.

«Мы должны знать, как скоро мы сможем открыть парк для посетителей, – ответил Эндрюс. – Как бы корыстно это ни звучало, но парк вносит много денег в бюджет».

«Ты прав, – заметил Клементс. – Это звучит корыстно».

«Я считаю, что иногда нужно думать и о себе», – словно защищаясь, сказал Чарли Холт и одарил Макензи и Брайерса полным пренебрежения взглядом.

«Поясните», – попросила Макензи.

«Хоть кто-нибудь из вас знает, с чем нам приходится здесь сталкиваться?» – спросил Холт.

«В общем-то, нет», – сказал Брайерс.

«Занимающиеся сексом подростки, – начал Холт, – иногда это целые оргии. Викканские ритуалы. Как-то раз я застал одного пьяницу совокупляющимся с пнём; спущенные штаны и всё такое прочее. Мы сталкиваемся здесь с тем, над чем смеются штатные копы, а местные полицейские рассказывают друг друга в виде весёлых баек по выходным». Он нагнулся, поднял с земли очередной жёлудь и начал очищать его от кожуры, как и первый.

«А ещё, – добавил Джо Эндрюс, – могу вам рассказать, как поймал с поличным отца, растлевающего свою восьмилетнюю дочь у реки. Мне кто-нибудь сказал за это «спасибо»? Девчонка кричала на меня, чтобы я оставил её папочку в покое, а потом мне влепили строгий выговор от местной полиции и полиции штата за грубое обращение с подозреваемым. Так что знаете…Мы имеем право немного думать о себе».

В лесу стало тихо. Тишину нарушили только пренебрежительные смешки одного из местных копов: «Ну, да. Права. Конечно».

Егеря с ненавистью посмотрели на говорившего. Эндрюс сделал шаг вперёд. Казалось, он готов был взорваться от ярости. «Да пошёл ты», – просто сказал он.

«Я попросил прекратить нести чушь, – повторил офицер Смит. – Ещё одно слово, и вы все отправитесь вон. Это понятно?»

Видимо, его слова возымели эффект. В лесу снова стало тихо. Брайерс зашёл за оградительную ленту, и когда все занялись работой, наклонился к Макензи. Она почувствовала на себе взгляд Чарли Холта, и ей захотелось его ударить.

«Дело приняло неприятный оборот, – тихо сказал Брайерс. – Давай постараемся убраться отсюда как можно скорее. Что скажешь?»

После его слов Макензи вернулась к работе, осматривая территорию и мысленно делая для себя кое-какие заметки. Брайерс вышел за ограждение и прислонился к стволу дерева, закашлявшись. Макензи старалась не обращать на него внимания. Она смотрела под ноги, изучая землю, деревья и листву. Она никак не могла понять, как кто-то мог обнаружить здесь расчленённое тело. Было сложно предположить, когда именно произошло убийство, или когда убийца выбросил

труп. На земле не было никаких следов борьбы.

Она обратила внимание на таблички, расставленные там, где были обнаружены части тела. Они были расположены слишком далеко друг от друга, и это не могло быть случайностью. Если кто-то бросил здесь расчленённое тело и оставил части так далеко друг от друга, то это было сделано намеренно.

«Офицер Смит, вы не знаете, были ли на теле следы укусов диких животных?» – спросила Макензи.

«Если они и были, то настолько крошечные, что их пропустили во время первичного осмотра. Мы узнаем точнее, когда появятся результаты вскрытия».

«Кто-нибудь из офицеров штата или местной полиции передвигал тело или его части?»

«Нет».

«И мы их не трогали, – добавил Клементс. – А что вы скажете, егеря?»

«Нет», – со злобной усмешкой в голосе ответил Холт. Казалось, он воспринимал, как оскорбление совершенно любое слово или действие.

«Могу я спросить, как это относится к делу?» – спросил Макензи Смит.

«Если убийство произошло прямо здесь, то повсюду должна быть кровь, – пояснила Макензи. – Даже если убийство произошло давно, мы должны были найти хотя бы мелкие частицы крови по периметру, но я ничего не вижу. Поэтому возможно, что убийца просто выкинул здесь труп. В этом случае, зачем он положил отрезанную ногу так далеко от остального тела?»

«Я не очень понимаю, к чему вы ведёте», – сказал Смит. Макензи заметила, что стоящий позади него шериф Клементс внимательно слушает их разговор, но не подаёт вида.

«Всё это наводит меня на мысль о том, что убийца избавился от трупа в лесу и намеренно раскидал части тела».

«Зачем?» – спросил Клементс, больше не в силах скрывать любопытство.

«Существует несколько причин, – ответила Макензи. – Возможно, он настолько больной, что ему доставило удовольствие раскидывать части тела по территории, и они выступали для него ничем иным, как игрушками. Убийца хотел привлечь наше внимание. Но, возможно, он всё просчитал заранее и, разделив тело, хотел акцентировать внимание на ноге или теле и т.д.»

«Ясно, – сказал Смит. – В отчёте мои люди отразили расстояние от ноги до тела. Там есть все необходимые данные».

Макензи снова огляделась, посмотрела на группу мужчин и на кажущийся тихим лес и замерла на секунду. Она не видела явной причины для выбора этого места для убийства. Это навело на мысль, что место было выбрано случайно. И, тем не менее, тот факт, что оно находилось так далеко от дороги, говорил кое о чём другом. Он говорил о том, что убийца довольно хорошо знал эти леса, а может и весь парк.

Макензи обошла место преступления, ища следы запекшейся крови. Ничего. С каждой секундой она всё больше верила в свою теорию.

«Егеря, – сказала она, – можно ли узнать имена людей, которые часто приходят в парк? Мне нужны те, кто часто здесь бывает и хорошо знает местность».

«Вряд ли, – ответил Джо Эндрюс. – Единственное, чем мы можем помочь, это дать список меценатов».

«Этого не нужно», – сказала Макензи.

«У вас уже есть теория?» – спросил Смит.

«Само убийство произошло в другом месте, а здесь убийца избавился от тела, – начала Макензи, словно разговаривала вслух сама с собой. – Но почему именно здесь? До центральной тропинки почти миля, и само это место ничем не примечательно. Из этого я делаю вывод, что тот, кто это сделал, очень хорошо знаком с территорией парка».

Некоторые из присутствующих закивали, но Макензи казалось, что они сомневались в её выводах, или они просто были им безразличны.

Макензи повернулась к Брайерсу.

«С тобой всё хорошо?» – спросила она.

Он утвердительно кивнул.

«Спасибо, джентльмены».

Все молча смотрели на Макензи. Клементс оглядывал её с ног до головы.

«Тогда пойдёмте, – наконец произнёс он, – я довезу вас до машины».

«Всё в порядке, – немного грубо ответила Макензи. – Я лучше пройдусь».

Они с Брайерсом вышли за ограждение и пошли через лес к тропе, по которой Клементс привёз их сюда.

Углубляясь в лес и уходя всё дальше от взглядов офицеров полиции штата, Клементса, его людей и егерей, Макензи не могла не думать об огромной территории леса и пугающе-безграничных возможностях, которые она таила. Она вспомнила слова егеря о частых преступлениях, которые происходили на территории парка, и у неё холод прошёл по коже.

Если кто-то был настолько жесток, чтобы сотворить то, что сделали с жертвой, и относительно хорошо знал лес, то не существовало практически никаких границ для воплощения его злого умысла.

Макензи была уверена, что последуют новые убийства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Макензи уселась за рабочий стол уже после шести часов вечера. День выдался длинный и выматывающий. Осталось разобрать свои записи перед брифингом, о которой они договорились по дороге из Страсберга.

В дверь постучали, Макензи подняла глаза и увидела Брайерса. Выглядел он не менее уставшим, держа в руках папку и стакан с кофе. Он изо всех сил старался скрыть усталость, и только сейчас Макензи поняла, что в парке он держался в стороне, позволив ей вести разговор с Клементсом, Смитом, Холтом и остальными. Это и его кашель наводили её на мысль, что напарник заболел.

«Заседание начинается», – сказал он.

Макензи поднялась с места и последовала за ним в зал для конференций в противоположной стороне коридора. Войдя, она мельком оглядела агентов и экспертов, которые входили в группу по расследованию дела в национальном парке «Литтл Хилл». Всего команда включала семь человек, и пусть Макензи лично считала, что это было больше чем достаточно на данном этапе, не в её компетенции было принимать подобные решения. Так решил Брайерс, и она была рада находиться в его команде: всё лучше, чем изучать иммиграционное законодательство и утопать в кипе бумаг.

«У нас сегодня много работы, – сказал Брайерс, – поэтому давайте начнём с быстрого обзора дела».

Если до начала совещания он казался уставшим, то сейчас это было незаметно. Макензи внимательно следила за тем, как он сообщал семерым коллегам о том, что они с Макензи узнали сегодня в лесах «Литтл Хилл». Собравшиеся делали пометки, кто-то писал в блокноте, кто-то печатал в ноутбуке или смартфоне.

«Хочу добавить, – сказал один из агентов. – Пятнадцать минут назад мне сообщили о том, что новость об убийстве дошла до местных СМИ. Они уже называют нашего убийцу Туристом».

На мгновение в зале стало тихо. Макензи внутренне вздохнула: вовлечение СМИ намного усложняет их работу.

«Быстро они, – сказал Брайерс. – Чёртовы журналисты. Как они так быстро обо всём узнали?»

Ответа не последовало, но Макензи казалось, что она знала причину. Люди, живущие в маленьких городках вроде Страсберга, любят, когда название их города фигурирует в новостных выпусках, пусть даже причина для этого совсем нехорошая. По её мнению, к таким людям относились и егеря, и офицеры местной полиции.

«В любом случае, – непоколебимо продолжил Брайерс, – последнее, что мы знаем, нам сообщили из полиции штата. Они передали криминалистам кое-какую информацию с места преступления. Теперь мы знаем, что отрезанная нога лежала в трёх с половиной футах от остального тела. Конечно, пока нельзя сказать, насколько эта информация важна, но мы этим займёмся. Также… »

Его слова прервал стук в дверь. Агент быстро вошёл в зал и передал Брайерсу папку, тихо сказал ему что-то на ухо и вышел.

«Отчёт о вскрытии последней жертвы, – добавил Брайерс, открывая папку и просматривая её содержимое. Быстро ознакомившись с ним, он передал три копии собравшимся. – Как вы можете видеть, на теле нет следов укусов диких животных, но есть небольшие синяки на спине и плечах. Эксперты считают, что нога и правая рука были отрезаны довольно тупым ножом или другим предметом с широкой режущей поверхностью. Кости скорее ломали, чем пилили. В деле двухлетней давности всё было по-другому, но, конечно, можно списать это различие на тот факт, что убийца плохо следит за своими инструментами и оружием».

Брайерс дал им время ознакомиться с отчётом. Макензи едва пробежалась глазами по строкам, доверившись краткому изложению Брайерса. Она научилась ему доверять. Нисколько не принижая значимость отчётов и документов, она считала, что всё же нет ничего лучше, чем лаконичный устный пересказ.

«Мы знаем имя жертвы – Джон Торренс, двадцать два года. Он пропал около месяца назад. В последний раз его видели в баре в Страсберге. Кому-то из вас не повезёт сообщить сегодня новость его семье. Мы также раскопали кое-какую информацию по жертве двухлетней давности. Агент Уайт, расскажите команде о том, что мы узнали?»

На обратном пути из Страсберга в Куантико Макензи изучала отчёт, который переслал ей офицер Смит из полиции штата. На то, чтобы запомнить детали у

неё ушло не больше десяти минут, и сейчас она могла с уверенностью воспроизвести их по памяти.

«Первой жертвой стала Марджори Лейнхарт. Голову почти отрезали от тела. Убийца отрезал все пальцы на руках и правую ногу ниже колена. Отрезанные части до сих пор не найдены. На момент смерти ей было двадцать семь лет. Из родственников осталась только мать, потому что Марджори была единственным ребёнком, а отец погиб во время службы в Афганистане в 2006 году. Миссис Лейнхарт покончила с собой через неделю после обнаружения тела дочери. В ходе активных поисков был найден ещё один родственник – дядя жертвы, с которым семья не общалась и который проживает в Лондоне и не знает ничего о жизни Лейнхарт. У жертвы не было парня, всех немногочисленных друзей допросили и исключили из списка подозреваемых. Нам буквально не у кого спросить, что тогда произошло».

«Спасибо, агент Уайт. Вот и всё, что мы имеет на эту минуту. Некоторым из вас будет поручено узнать о семье жертвы, один или двое помогут криминалистам, ещё нужно будет поднять архивы и изучить преступления с особой жестокостью, которые произошли в районе национального парка «Литтл Хилл» за последние двадцать пять лет. У кого-нибудь есть, что добавить?»

«Возможно, убийство носит ритуальный характер, – предложил один из пожилых агентов. – Расчленение – явный признак ритуальных убийств. Было бы неплохо узнать, действуют ли сатанинские и другие подобные культы в Страсберге и его окрестностях».

«Хорошее замечание», – сказал Брайерса, сделав пометку в блокноте.

Макензи подняла руку. Некоторые из опытных агентов закатили глаза. Казалось, они думали: «Конечно, тебе есть, что добавить».

«Да, агент Уайт?» – спросил Брайерс. Он многозначительно улыбнулся, пока все смотрели на Макензи.

«Просматривая старые дела, которые предоставило мне управление полиции штата, я нашла документ о похищении ребёнка в районе «Литтл Хилл» девятнадцать лет назад. Похитили мальчика, Уилла Альбрехта. Его украли прямо из-под носа родителей. В ходе допроса родители рассказали, что сын любил

кататься на велосипеде в парке. Явной связи с нашим делом нет, но я думаю, что это похищение тоже нужно взять во внимание».

«Совершенно верно, – сказал Брайерс. – Убедитесь, чтобы вся команда получила копии дела».

«Уже этим занимаюсь», – ответила Макензи, открывая почту на телефоне.

«Как это может относиться к нашему убийству?» – спросил один из агентов.

Не привыкшая отмалчиваться, Макензи сразу же ответила: «Я разрабатываю теорию о том, что наш убийца очень хорошо знает местность. Он выкинул тело в совершенно неприметном месте посреди леса, а это означает, что он очень хорошо с ним знаком. Убийство Марджори Лейнхарт лишь подтверждает мою теорию».

«Я просто не понимаю, как убийство может быть связано с похищением», – добавил другой агент.

«Забрать ребёнка на виду у родителей и скрыться… сможет только тот, кто очень хорошо знает местность. У полиции не было ни одной зацепки по похитителю».

Здесь было над чем задуматься. Некоторые из присутствующих одобрительно закивали, но большинство агентов сидели, уставившись в телефоны или прямо перед собой.

«Ещё есть, что добавить?» – спросил Брайерс. Дожидаясь ответа, он начал сильно кашлять, прикрыв рот рукой.

«Тогда на этом всё, – добавил он спустя три секунды тишины. – Все за работу, чтобы поймать убийцу».

Выходя из конференц-зала народ взволнованно перешёптывался. Макензи не торопилась уходить. Прежде чем отправиться домой, она решила узнать, нужна ли Брайерсу ещё какая-нибудь помощь.

«Знаешь, – заметил он, – я поручу кому-нибудь проверить то похищение, о котором ты говорила. Если это нас никуда не приведёт, у тебя появится парочка новых врагов».

«Всё как обычно».

«Да, – ответил он с улыбкой. – Знаешь, давай сами этим займёмся. Завтра снова поедем в Страсберг. Убьём двух зайцев одним выстрелом. Заодно поговорим с семьёй Джона Торренса. Ты как, не против прокатиться?»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На следующий день они приехали в Страсберг чуть позже девяти часов утра. Когда они въехали в город, Макензи подумала, что начинает видеть в нём определённое очарование. Поначалу ей показалась немного глупой глубокая связь города с историей страны, но было в нём ещё что-то деревенское и респектабельное. Повсюду висели американские флаги (кое-где виднелись флаги Конфедерации. Макензи решила, что это было одной из характерных черт провинциальной Вирджинии), и многие компании носили имена, позаимствованные у названий отрядов времён Гражданской войны.

Макензи понимала, как глупо было думать, что большинство отъявленных убийц были родом из таких вот милых городков. Если верить статистике, вероятность рождения безумного убийцы в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе была такой же, как и в крошечном провинциальном городке в Вирджинии. И всё же подобные города были слишком тихими и пугающими: они казались идеальными для проезжающих мимо людей, и было легко игнорировать тот факт, что за любой красивой дверью могли скрываться тёмные секреты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/pirs_bleyk/prezhde-chem-on-nachnet-ohotu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити